

СТАНИСЛАВ

ЛЕМ

НАСМОРК

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Станислав Герман Лем

Насморк

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64325606

Станислав Лем. Насморк (сборник): Издательство АСТ; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-982852-5

Аннотация

Стареющий астронавт-неудачник, так и не осуществивший свою мечту о полете на Марс, участвует в опасном эксперименте, чтобы раскрыть серию таинственных убийств на итальянском курорте. Погибших по неосторожности и самоубийц, мужчин средних лет, казалось бы, ничто не связывает – у них разные привычки и пристрастия, внешность, место работы. Но какая-то закономерность все же должна существовать – и бывший астронавт, агент под прикрытием, шаг за шагом повторяет путь одной из последних жертв из Неаполя в Рим, понимая, что смерть дышит ему в затылок...

Содержание

Неаполь – Рим	6
Рим – Париж	36
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Станислав Лем

Насморк (сборник)

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2021

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Станислав Лем – знаменитый польский писатель-фантаст, автор произведений, получивший всемирную известность: «Солярис», «Сумма технологии», «Звездные дневники Ийона Тихого» – книг, переведенных на 60 языков и востребованных читателями уже более полувека. Мастеру удалось изменить традиционное представление о «несерьезном» жанре, совместив в своем творчестве философскую глубину и увлекательность приключенческого романа.

* * *

Посвящается доктору Анджею Мадейскому

Неаполь – Рим

Мне казалось, что этот последний день никогда не кончится. Не из чувства страха; я не боялся. Да и чего бояться? Я был один в разноязыкой толпе. Никто не обращал на меня внимания. Опекуны не показывались на глаза; в сущности, я даже не знал их в лицо. Я не верил, что, ложась в постель в пижаме Адамса, бреясь его бритвой и прогуливаясь его маршрутами вдоль залива, навлеку на себя проклятие, и все же чувствовал облегчение от того, что завтра сброшу чужую личину. В дороге тоже нечего опасаться засады. Ведь на автостраде ни один волос не упал с его головы. А единственную ночь в Риме мне предстояло провести под усиленной опекой. Я говорил себе, что это – всего лишь желание поскорее свернуть операцию, которая не дала результата. Я говорил себе немало других разумных вещей, но все равно то и дело выбивался из расписания.

После купания надо было вернуться в «Везувий» ровно в три, но уже в двадцать минут третьего я оказался поблизости от гостиницы, словно что-то гнало меня туда. В номере со мной ничего не могло случиться, и я принялся бродить по улице. Эту улицу я уже знал наизусть. На углу – парикмахерская, дальше – табачная лавка, бюро путешествий, за которым, в бреши между домами, помещалась гостиничная автостоянка. Дальше, за гостиницей, – лавка галантерейщи-

ка, у которого Адамс починил оторванную ручку чемодана, и небольшой кинотеатр, где безостановочно крутили фильмы. Я едва не сунулся сюда в первый же вечер, приняв розовые шары на рекламе за планеты. Только перед кассой понял, что ошибся: это была гигантская задница. Сейчас, в недвижимом зное, я дошел до угла, где стояла тележка с жареным миндалем, и повернул назад. Досыта налюбовавшись трубками на витрине, я вошел в табачную лавку и купил пачку «Куул», хотя обычно не курю ментоловые. Перекрывая уличный шум, из громкоговорителей кинотеатра долетали хрипение и стоны, как с бойни. Продавец миндаля повез тележку под козырек над подъездом гостиницы, в тень. Может, когда-то «Везувий» и был роскошным отелем, но сейчас все вокруг свидетельствовало о безусловном упадке.

Холл был почти пуст. В лифте веяло прохладой, но в номере стояла духота. Я обвел комнату испытующим взглядом. Укладывать чемоданы в такую жару – значит обливаться потом, и тогда датчики не будут держаться. Я перебрался со всеми вещами в ванную – в этой старой гостинице она была величиной с комнату. В ванной тоже оказалось душно, но здесь был мраморный пол. Приняв душ в ванне, покоящейся на львиных лапах, и нарочно не вытершись досуха, босой, чтобы было не так жарко, я принялся укладывать вещи. В саквояже нашарил увесистый сверток. Револьвер. Я совершенно забыл о нем. Охотнее всего я швырнул бы его под ванну. Переложил револьвер на дно большого чемодана,

под рубашки, старательно вытер грудь и стал перед зеркалом прицеплять датчики. Когда-то в этих местах у меня на теле были отметины, но они уже исчезли. Подушечками пальцев я нащупал ложбинку между ребрами, сюда – над сердцем – первый электрод. Второй, в ямке возле ключицы, не хотел держаться. Я снова вытерся и аккуратно прижал пластырь с обеих сторон, чтобы датчик прилегал плотнее. У меня не было навыка – раньше не приходилось этого делать самому. Сорочка, брюки, подтяжки. Я стал носить подтяжки с тех пор, как вернулся на Землю. Для удобства. Чтобы то и дело не хвататься за штаны, опасаясь, что они свалятся. На орбите одежда ничего не весит, и после возвращения возникает этот «брючный рефлекс».

Готово. Весь план я держал в голове. Три четверти часа на то, чтобы пообедать, оплатить счет и взять ключи от машины, еще полчаса, чтобы доехать до автострады; учитывая час пик, десять минут иметь в запасе. Я заглянул во все шкафы, поставил чемоданы у двери, ополоснул лицо холодной водой, проверил перед зеркалом, не выпирают ли датчики, и спустился на лифте. В ресторане была толчея. Обливающийся потом официант поставил передо мной кьянти, я заказал макароны с базиликовым соусом и кофе в термос. Я уже заканчивал обед, то и дело поглядывая на часы, когда из рупора над входом послышалось: «Мистера Адамса просят к телефону!» Волоски на руках у меня встали дыбом. Идти или не идти? Из-за столика у окна поднялся толстяк в ру-

башке павлиньей расцветки и направился к кабине. Какой-то Адамс. Мало ли на свете Адамсов? Стало ясно, что ничего не начинается, но я разозлился на себя. Не таким уж надежным оказалось мое спокойствие. Я вытер жирные от оливкового масла губы, принял горькую зеленую таблетку плимизина, запил ее остатками вина и пошел к стойке портье. Гостиница еще кичилась своей лепниной, плюшем и бархатом, но все пропиталось кухонным смрадом. Словно аристократ рыгнул капустой.

Вот и все прощание. Я вышел в густой зной вслед за портье, который вывез на тележке мои чемоданы. Автомобиль, взятый напрокат в фирме Херца, стоял двумя колесами на тротуаре. «Хорнет» – черный, как катафалк. Укладывать чемоданы в багажник я портье не позволил – там мог находиться передатчик, – отделался от него ассигнацией, положил вещи сам и сел в машину, будто в печку. Руки вспотели, я стал искать в карманах перчатки. Хотя к чему, руль обтянут кожей. В багажнике передатчика не было – где же он? На полу, перед свободным сиденьем, под журналом, с обложки которого холодно глядела на меня голая блондинка, высунувшая блестящий от слюны язык. Я не издал ни звука, но внутри у меня что-то тихонько ёкнуло.

Машины стояли плотными колоннами от светофора до светофора. Хоть я и отдохнул, но чувствовал какую-то вялость, может, оттого, что умял целую тарелку макарон, которые ненавижу. Пока весь ужас моего положения заключался

в том, что я начал толстеть, – так по-дурачки я подтрунивал над собой. За следующим перекрестком включил вентилятор. Жарко обдало выхлопными газами. Пришлось выключить. Машины на итальянский манер налезали друг на друга. Объезд. В зеркальцах – капоты и крыши. *La potente benzina italiana*¹ угарно вонял. Я тащился за автобусом в смрадном облаке выхлопных газов. Через заднее стекло автобуса на меня глазели дети, в одинаковых зеленых шапочках. В желудке у меня были макароны, в голове – жар, на сердце – датчик, который цеплялся через рубашку за подтяжки при каждом повороте руля.

Я разорвал пакет бумажных носовых платков и разложил их около рычага передач, потому что в носу защекотало, как перед грозой. Чихнул раз, другой и так увлекся этим занятием, что даже не заметил, когда именно, канув в приморскую голубизну, остался позади Неаполь. Теперь я уже катил по *del Sole*². Для часа пик почти просторно. От таблетки плимазина никакого толку. Саднило в глазах, из носа текло. А во рту было сухо. Пригодился бы кофе, но теперь я мог его выпить только около Маддалены. «Интернэшнл геральд трибюн» в киоске снова не оказалось из-за какой-то забастовки. Я включил радио. Последние известия. Понимал с пятого на десятое. Демонстранты подожгли... Представитель частной полиции заявил... Феминистское подполье грозит новы-

---

¹ Могучий итальянский бензин (*ит.*).

² Солнечное шоссе (*ит.*).

ми актами насилия. . . Дикторша глубоким альтом читала декларацию террористок, потом осуждающее заявление папы римского и комментарии газет. Женское подпольное движение. Никто ничему уже не удивляется. У нас отняли способность удивляться. Что же их, в сущности, тревожит – тирания мужчин? Я не чувствовал себя тираном. Никто себя им не чувствовал. Горе плейбоям. Что террористки с ними сделают? А священников они тоже будут похищать? Я выключил радио, будто захлопнул мусоропровод.

Быть в Неаполе и не видеть Везувия! А я не видел. К вулканам я всегда относился благожелательно. Отец рассказывал мне о них перед сном едва ли не полвека назад. Скоро стану стариком, подумал я и так удивился, словно сказал себе, что скоро стану коровой. Вулканы – это нечто солидное, вызывающее чувство доверия. Земля раскалывается, течет лава, рушатся дома. Все ясно и чудесно, когда тебе пять лет. Я полагал, что через кратер можно спуститься к центру Земли. Отец возражал. Жаль, что он не дожил, – порадовался бы за меня.

Когда слышишь роскошное лязганье зацепов, стыкующих ракету с орбитальным модулем, не думаешь об ужасающей тишине бесконечных пространств. Правда, моя карьера была недолгой. Я оказался недостойным Марса. Отец переживал это, пожалуй, тяжелее меня. Что ж, лучше было бы, если б он умер после моего первого полета? Хотеть, чтобы он закрыл глаза с верой в меня, – это цинично или просто глупо?

А не угодно ли вам следить за движением?.. Втискиваясь в брешь за «ланчией», размалеванной в психоделические цвета, я бросил взгляд в зеркальце. «Крайслер» фирмы Херца пропал бесследно. Около Марьянелли блеснуло далеко позади что-то похожее, но я не был уверен, что это они; к тому же та машина сразу скрылась. Заурядная короткая трасса, по которой катило столько людей, одного меня приобщила к тайне, чей зловещий смысл не удалось разгадать всем полициям мира, вместе взятым. Однако я положил в машину надувной матрац, ласты и ракетку вовсе не потому, что собрался отдыхать, а с целью навлечь на себя неведомый удар.

Вот так я пытался подзадорить себя, но тщетно – это рискованное предприятие уже давно потеряло для меня свою привлекательность, я не ломал голову над загадкой смертоносного заговора. Сейчас я думал лишь о том, не принять ли вторую таблетку плимазина, поскольку из носа все еще текло. Не все ли равно, где этот «крайслер». Радиус действия передатчика – сто миль. А у моей бабушки на чердаке сушились штанишки цвета этой вот «ланчии».

В шесть двадцать я нажал на газ. Какое-то время мчался за «фольксвагеном», у которого сзади были нарисованы большие бараньи глаза, смотревшие на меня с ласковым укором. Автомобиль – гипертрофированный отпечаток личности владельца. Потом пристроился за земляком из Аризоны с наклейкой «Have a nice day»³ на бампере. На крышах иду-

---

³ Желая приятного дня (англ.).

щих в потоке машин громоздились моторные лодки, водные лыжи, удочки, доски для плавания, тюки с палатками малинового и апельсинового цветов. Европа из кожи лезла вон, чтоб дорваться до этого «a nice day». Шесть двадцать пять. Я поднял, как делал уже сотни раз, правую, потом левую руку, взглянул на распрямленные пальцы. Не дрожат. А дрожь в пальцах – первый предвестник. Но можно ли утверждать это с полной уверенностью? Ведь никто ничего толком не знает. А может, задержать на минутку дыхание, вот Рэнди перепугается... Что за идиотская мысль!

Виадук. Воздух зашелестел вдоль шеренги бетонных столбиков. Я воровато покосился на пейзаж за окошком. Чудесно, зеленое пространство до самого горизонта, замкнутого горами. С левой полосы меня согнал «феррари», плоский, будто клоп. Я опять зачихал, чертыхаясь между залпами. На ветровом стекле точками чернели останки мух, брюки липли к ногам, блики от дворников резали глаза. Я вытер нос, пачка бумажных платков упала между сиденьями и затрепетала на сквозняке. Кто изобразит натюрморт на орбите? Ты думаешь, что все уже привязал, намагнитил, приклеил лентой, а тут начинается истинное светопредставление – роятся шариковые ручки и очки, свободные концы кабелей извиваются, будто ящерицы, а хуже всего – крошки. Охота с пылесосом за кексами... А перхоть?! Закулисную сторону космических шагов человечества принято замалчивать. Только дети обыкновенно спрашивают, как писают на Луне...

Горы становились все выше – бурые, спокойные, массивные и словно бы родные. Одна из достопримечательностей Земли. Дорога меняла направление, солнечные квадраты вползали в машину, и это тоже напоминало безмолвное, величественное коловращение света в кабине корабля. День посреди ночи, одно и другое попеременно, как перед сотворением мира, и летаешь наяву, будто во сне, а тело потрясено тем, что все происходит так, как быть не может. Я слушал лекции о локомоционной болезни, но все оказалось иначе. Это была не обычная тошнота, а паника кишок и селезенки; внутренности, обычно неощутимые, негодовали и выражали бурный протест. Я искренне сочувствовал их недоумению. Мы наслаждались космосом, но нашим телам от него было невмозможу. С первой же минуты невесомость им не понравилась. Мы тащили их в космос, а они сопротивлялись. Конечно, тренировка делала свое. Даже медведя можно научить ездить на велосипеде, но разве медведь создан для этого? Его езда – курам на смех. Мы не сдавались, и унимался прилив крови к голове, приходили в норму кишки, но это было лишь отсрочкой в сведении счетов – в конце концов приходилось возвращаться. Земля встречала нас убийственным прессом; распрямить колени, спину значило совершить подвиг, голова болталась из стороны в сторону, как свинцовый шар. Я знал, что так будет, видел мужчин атлетического вида, испытывавших чувство неловкости от того, что они не в силах сделать и шага, сам укладывал их в ванну, вода вре-

менно освобождала тела от тяжести, но черт знает почему верил, что со мной такого не произойдет.

Тот бородатый психолог говорил, что каждый так думает. А потом, когда снова привыкаешь к тяготению, орбитальная невесомость возвращается в снах, как ностальгия. Мы не годимся для космоса, но именно поэтому не откажемся от него.

Нога отреагировала на красную вспышку впереди раньше, чем я это осознал. Через секунду я понял, что торможу. Шины зашуршали по рассыпанному рису. Что-то более крупное, вроде градин. Нет, это стекло. Колонна двигалась все медленней. На правой полосе выстроились конусы ограждения. Я попытался рассмотреть их за скопищем машин. На поле медленно приземлялся желтый вертолет; пыль, будто мука, клубилась под фюзеляжем. Вот. Две намертво сцепившиеся коробки с сорванными капотами. Так далеко от дороги? А люди? Шины снова зашуршали по стеклу, с черепашьей скоростью мы двигались вдоль полицейских, машущих руками: «Живо, живо!» Полицейские каски, кареты «скорой помощи», носилки, колеса опрокинутой машины еще вращались, мигал указатель поворота. Над дорогой стлался дым. Асфальт? Нет, скорей всего бензин. Колонна возвращалась на правую полосу, при быстрой езде стало легче дышать. Согласно прогнозу, на сегодня предполагалось сорок трупов. Показался ресторан на мосту, дальше в полумраке корпу-

сов большой Area di Servizio⁴ бешено вспыхивали звездочки сварки. Я взглянул на счетчик. Скоро будет Кассино. На первом же вираже вдруг перестало свербить в носу, словно плимезин только сейчас пробился сквозь макароны.

Второй вираж. Я вздрогнул, почувствовав взгляд, непонятным образом исходивший снизу, словно кто-то, лежа на спине, бесстрастно наблюдал за мной из-под сиденья. Это солнце осветило обложку журнала с блондинкой, высунувшей язык. Я, не глядя, наклонился и перевернул глянцевый журнал на другую сторону. Для астронавта у вас слишком богатая внутренняя жизнь, сказал мне психолог после теста Роршаха. Я вызвал его на откровенность. А может, это он меня. Он сказал, что существует страх двух видов: высокий – от чрезмерного воображения и низкий, идущий прямо из кишок. Возможно, намекая, что я слишком хорош, он хотел меня утешить?

Небо выдавливало из себя облака, сливающиеся в сплошную пелену.

Приближалась бензоколонка. Я сбросил скорость. Меня обогнал молодящийся старик, длинные седые космы развевались по ветру, – одряхлевший Вотан, он мчался вперед, включив хриплую сирену. Я свернул на заправку и, пока заливали бак, одним махом осушил содержимое термоса с порывевшим сахаром на дне. Потеки жира и следы мух с ветрового стекла так и не вытерли. Я отъехал в сторону и вышел

---

⁴ Зона обслуживания (*ит.*).

из машины, чтобы размять кости. По соседству возвышался большой застекленный павильон. Адамс купил в нем колоду карт – копию итальянских карт XVIII или XIX века для игры в таро.

Бензоколонку расширяли, вокруг котлована, вырытого для нового здания, белел не утрамбованный еще катком гравий. Стеклопанная дверь распахнулась передо мной, и я вошел в павильон. Пусто. Сиеста? Нет, сиеста уже кончилась. Я прошелся между грудями разноцветных коробок и искусственных фруктов. Белый эскалатор, ведущий на второй этаж, пришел в движение, когда я приблизился к нему, и остановился, стоило мне шагнуть в сторону. Я заметил свой профиль в телевизоре около витрин, черно-белое изображение дрожало в солнечных бликах. Надеюсь, на самом деле я не так бледен. Ни одного продавца. На прилавках свалены дешёвые сувениры, колоды карт, наверняка тех же самых.

Я рылся в карманах в поисках мелочи, ища взглядом продавца, когда услышал, как на улице зашуршал гравий. Из резко затормозившего белого «опеля» вышла девушка в джинсах, обогнула канаву и вошла в павильон. Я видел ее, стоя к ней спиной, на экране телевизора. Она застыла, не двигаясь, шагах в пятнадцати позади меня. Я взял с прилавка сделанную под старину гравюру – Везувий, курящийся над заливом; были там и открытки с изображением помпейских фресок, шокировавших наших отцов. Девушка сделала несколько шагов в мою сторону как бы в неуверенности,

продавец ли я. Эскалатор двинулся. Он тихонько двигался, а она стояла – маленькая фигурка в джинсах. Я повернулся, чтобы выйти. В ней не было ничего необычного. Лицо почти детское, невыразительное, маленький рот, и только оттого, что она глядела на меня округлившимися глазами, царапая ногтем воротник белой блузки, я, проходя мимо, замедлил шаг; в тот же миг она с бесстрастным выражением лица, не издав ни звука, стала падать назад, как бревно. Это было настолько неожиданно, что я едва успел схватить ее за плечи, но сумел лишь ослабить падение – казалось, с ее согласия опустил ее на землю. Она лежала, словно кукла. Со стороны это выглядело так, будто я склонился над опрокинувшимся манекеном, потому что справа и слева от меня, за окнами стояли манекены в неаполитанских костюмах.

Я нащупал у девушки пульс, он был едва уловим, но тикал ровно. Казалось, она заснула. В ста метрах от нас подъезжали к заправке машины, потом они разворачивались и в облаке белой пыли возвращались в гремящий поток del Sole. Только две машины стояли перед павильоном – моя и этой девушки. Я медленно выпрямился. Еще раз бросил взгляд на нее. Рука с гибкой кистью, которую я выпустил, откинулась в сторону. Стали видны светлые волоски под мышкой, чуть ниже их я разглядел два маленьких знака, похожие на царапины или миниатюрную татуировку. Нечто подобное я видел когда-то у пленных эсэсовцев, их рунические знаки. Но здесь скорее всего были просто родинки. Ноги у меня

дрогнули, я хотел снова опуститься на колени, но удержался. Направился к выходу.

Как бы в знак того, что инцидент исчерпан, бесшумнодвигающийся эскалатор остановился. С порога я обернулся. Разноцветные воздушные шары заслоняли девушку, но я увидел ее в дальнем телевизоре. Изображение дрожало. Мне показалось, что это она шевельнулась. Подождал две или три секунды. Нет, ничего. Стеклопанная дверь услужливо распахнулась предо мной. Я перескочил канаву, сел в «хорнет» и подал назад, чтобы взглянуть на номер ее «опеля». Номер был немецкий. В машине из красочной мешанины вещей торчала клюшка для гольфа. Было над чем подумать. Похоже, это малый эпилептический припадок, *petit mal*. Бывают такие, без судорог, она могла почувствовать приближение и потому затормозила, а в павильон вошла, уже теряя сознание. Отсюда невидящий взгляд и паузы движения пальцев, царапающих воротник. Но это могла быть и симуляция. На автостраде я ее «опеля» не отмечал. Правда, я был не слишком внимателен, а такие машины, белые и угловатые, встречались часто. Словно разглядывая под увеличительным стеклом, перебирал я сейчас в памяти каждую запомнившуюся подробность. В павильоне должны были находиться два, а то и три продавца. Все сразу пошли пропустить по рюмке? Странно. Хотя, правду говоря, в наши дни и такое возможно. Ушли в кафе, зная, что в эту пору никто в павильон не заходит, а девушка подъехала, поскольку предпо-

чла, чтобы припадок случился здесь, а не у бензоколонки, не хотела устраивать представление для мальчиков в спецовках «Суперкортемаджиоре». Все логично, верно? А не слишком ли логично? Она была одна. Кто в таком положении ездит один? И что же? Если б она очнулась, я не повел бы ее к машине. Постарался бы отговорить от дальнейшей поездки. А потом? Я предложил бы ей оставить «опель» и пересесть ко мне. Каждый бы так поступил. Я наверняка сделал бы так, будь я здесь обычным туристом.

Мне стало жарко. Надо было остаться, чтобы впутаться в это дело – если было во что впутываться! Для этого я сюда и приехал! Дьявольщина! Все яростнее я убеждал себя в том, что она на самом деле потеряла сознание, и все больше в этом сомневался. И не только в этом. Торговый павильон, почти универмаг, не оставляют без присмотра. Хотя бы кассир должен находиться на месте. А касса пустовала. Правда, весь павильон просматривался из кафе за котлованом. Но кто мог знать, что я загляну в него? Никто на свете. Значит, это не могло быть провокацией. Мне готовили участь анонимной жертвы? Чьей же? Все – и продавцы, и кассир, и девушка – в заговоре? Это уже отдавало фантастикой. Значит, обыкновенное стечение обстоятельств. Я твердил себе это не переставая. Адамс доехал до Рима благополучно. И к тому же один. Ну а другие? Вдруг я вспомнил о клюшке для гольфа в «опеле». Милосердный Боже, ведь такие клюшки...

Я решил, что надо взять себя в руки, даже если я вко-

нец оскандалился. Как скверный, но упрямый актер, я снова и снова возвращался к неудавшейся роли. На следующей заправке, не выходя из машины, попросил камеру. Смазливый брюнет в спецовке бросил взгляд на колеса: у вас бескамерные шины. Но мне нужна камера! Я платил, наблюдая за автострадой, чтобы не прозевать «крайслер», но его не было. Проехав девять миль, я сменил исправное колесо на запасное. Именно здесь менял колесо Адамс. Присев на корточки у домкрата, я почувствовал, что зной усиливается. Несмазанный домкрат скрипел, невидимые реактивные самолеты разрывали небо над головой, и эти громовые раскаты напомнили мне судовую артиллерию, прикрывавшую Нормандский плацдарм. Почему вспомнилось это? Я и после был в Европе, но уже в качестве официального экспоната, правда, второго сорта, как дублер, иначе говоря, почти фиктивный участник марсианского проекта.

Европа демонстрировала тогда достойный фасад. Только сейчас я узнавал ее – если не лучше, то хоть без парадного блеска: провонявшие мочой переулки Неаполя, кошмарные проститутки, гостиница, еще отмеченная звездочками в путеводителях, но уже ветшающая, окруженная лавчонками торговцев, кинотеатр, демонстрирующий порнофильмы, которые раньше невозможно было представить себе рядом с таким отелом. Может, и не это главное, может, правы те, кто говорит, что Европа разлагается с головы, сверху?

Металлическая обшивка кузова и инструмент обжигали.

Я вымыл руки жидким мылом, вытер бумажными платками и сел в автомобиль. Долго, так как перочинный нож куда-то запропастился, открывал бутылку швепса, купленную на станции, наконец принялся тянуть горьковатую жидкость, думая о Рэнди, который где-то на трассе слышит, как я пью. Подголовник успел нагреться на солнце и тоже обжигал. Кожа на шее болела. Асфальт у самого горизонта вспыхнул металлическим блеском, словно там была вода. Что это, гроза? Да, загремело. Наверно, и раньше гремело, но звуки заглушал непрерывный гул автострады. Сейчас гром перекрыл этот гул, всколыхнув небо с золотистыми еще облаками, но золото над горами уже заволакивала спекшаяся желчь туч.

На указателе появилась надпись: «Фрозиноне». Пот струился по спине, словно кто-то перышком водил между лопатками, а буря, по-итальянски театральная, вместо того чтобы взяться за дело, стращала громом без капли дождя. Но седые, как осенний дым, гривы все же потянулись над полями, и я, входя в широкий вираж, увидел место, где косо повисшая мгла притягивала тучу к автостраде. С облегчением воспринял я первые крупные капли на ветровом стекле. Внезапно дождь хлынул как из ведра.

На ветровом стекле разыгралось истинное побоище. Когда «дворники» соскребли остатки насекомых, я съехал на обочину и выключил их. Здесь предстояло провести битый час. Дождь шел волнами, барабанил по крыше, и проносившиеся мимо машины тянули за собой мутные полосы искрящейся

ся воды, а я глубоко дышал. Через открытое окно брызгало на колени. Я зажег сигарету, пряча ее в ладони, чтобы не намочила, но она оказалась неприятная, ментоловая на вкус. Проехал «крайслер» металлического цвета, но вода падала стеной, и я не разглядел – тот ли. Становилось все темнее. Молнии и скрежет, словно жуть разрывают на части. Скуки ради я считал мгновения от вспышки до грома, автострада же продолжала гудеть – ничто не в силах было остановить движение.

Часовая стрелка миновала семерку – пора. Вздохнув, я выбрался из машины. Холодный душ поначалу был неприятен, но потом даже взбодрил меня. Я наклонился над «дворниками», как бы поправляя их, и при этом поглядывал на дорогу, но никто не обращал на меня внимания, полиции тоже не было видно. Промокнув до последней нитки, сел в машину и включил скорость. Буря затихла, хотя светлее не стало; асфальт высыхал, свет фар врезался в туман, стлавшийся над лужами. За Фрозиноне из-за туч выглянуло солнце, словно пейзаж перед наступлением темноты решил явить себя в новом блеске.

В розовом неземном сиянии я съехал на стоянку, отлепил от тела рубашку, чтобы датчики не были заметны, и направился в ресторан, расположенный на мосту Павезе. «Крайслера» на стоянке я не обнаружил. Наверху галдела разноязыкая толпа, занятая едой и не обращающая внимания на машины, которые неслись под нами, как шары в кегельбане.

Во мне, сам не знаю когда, произошла перемена – я успокоился; в сущности, мне стало все равно, о девушке я думал так, словно видел ее много лет назад; выпил две чашки кофе, швепс с лимоном, может, посидел бы еще, но тут мне пришло в голову, что железобетонная конструкция моста экранирует волны и в «крайслере» не знают, что с моим сердцем. Между Хьюстоном и Луной таких проблем не возникает. Выходя, ополоснул в туалете руки и лицо. Пригладил волосы перед зеркалом, поглядев на себя скорее с неприязнью, и – в путь.

Сейчас снова надо было убить время. Я ехал, как бы отпустив вожжи, доверившись знающей дорогу лошади. Никуда не устремлялся мыслью, не видел снов наяву, а просто отключился, словно меня и не было. Этакое растительное бытие. Но какой-то счетчик во мне все-таки работал – затормозил я точно по расписанию у подножия пологого холма, в том месте, где в его спину геометрической выемкой врезалась автострада. Стоять здесь было приятно. Сквозь эту выемку, как через огромные ворота, я мог обозреть пространство до самого горизонта, где бетонная полоса решительно прошивала насквозь следующий пологий горб. Словно здесь прорезь прицела, а там – мушка. Бумажные платки кончились, и, чтобы протереть стекла, пришлось лезть в багажник. Коснувшись мягкого дна чемодана, я нащупал твердое ребро пистолета.

Как по тайному сговору, все почти одновременно включи-

ли подфарники. Я огляделся. В сторону Неаполя автострада была исчеркана белыми полосами, а в сторону Рима краснела, словно по ней катились раскаленные угольки. На дне долины машины тормозили, и там вспыхивала зыбкая краснота, будто стоячая волна. Будь автострада раза в три шире, могло показаться, что ты в Техасе или в Монтане.

Меня охватило благостное спокойствие одиночества, хотя дорога была совсем рядом. Людям, как и козам, нужна трава, только они не осознают этого столь хорошо, как козы. Когда в невидимом небе пророкотал вертолет, я бросил сигарету и сел в машину. В ней еще ощущалась дневная духота.

За следующими холмами появились бестеневые лампы дневного света, предвещавшие близость Рима. Мне предстояло обогнуть город. Темнота превратила людей в машинах в невидимок, а нагромождению вещей на крышах придавала загадочность. Все стало значительным, недосказанным, словно в конце дороги находилось нечто непостижимо важное. Астронавт-дублер должен быть хоть капельку свиньей. Ведь что-то в нем ждет, чтобы те, первые, споткнулись, а если не ждет, то он просто дурак. Вскоре пришлось остановиться еще раз: кофе, плимазин, швепс, вода со льдом давали о себе знать, я отошел от дороги на несколько шагов и удивился: казалось, исчезло не только движение, но вместе с ним и время. Стоя спиной к дороге, сквозь смрад выхлопных газов в чуть-чуть дрожащем воздухе я уловил запах цветов. Что бы я сделал, будь мне сейчас тридцать? Чем искать ответ на подобные

вопросы, лучше застегнуть ширинку и ехать дальше. Ключи упали в темноту между педалями, я искал их на ощупь – не хотелось зажигать лампочку над зеркальцем. Поехал дальше, не сонный и не бодрый, не раздраженный и не спокойный – какой-то вялый и слегка озадаченный. Свет высоких фонарей вливался через ветровое стекло и, выбелив мои руки, вытекал из машины, дорожные указатели проносились мимо, светясь, словно призраки, а стыки между бетонными плитами отзывались мягкой барабанной дробью. Сейчас – направо, на кольцевую вокруг Рима, чтобы въехать в него с севера, как въехал Адамс. Я совсем не думал о нем, он был одним из одиннадцати, простая игра случая, что я получил его вещи. Рэнди настаивал на этом и, вероятно, был прав. Если уж воспроизводить что-то, то с предельной точностью. Меня самого то, что я пользуюсь рубашками и чемоданами покойника, оставляло, пожалуй, равнодушным. Если сначала и трудно было, то оттого, что это вещи чужого человека, а не потому, что он мертв.

Когда попадались пустынные отрезки дороги, мне казалось, что чего-то не хватает. Через открытые окна врывался воздух, полный благоухания цветущих растений. Травы уже засыпали. Я даже перестал шмыгать носом. Психология психологией, но все решил насморк. Я не сомневался в этом, хотя меня и убеждали в обратном. Если рационально подходить к делу, все верно – разве на Марсе растет трава? Так что поллиноз – вовсе не изъян. Да, но в какой-то из рубрик моего

личного дела, в примечаниях, наверняка написано «аллергик», иначе говоря – неполноценный. Неполноценный дублер – нечто вроде карандаша, который оттачивают самым лучшим инструментом, чтобы в итоге не поставить им и точки. Дублер Христофора Колумба, вот как это звучит.

Навстречу катила нескончаемая колонна, каждая машина слепила фарами, и я закрывал попеременно то правый, то левый глаз. А может, я заблудился? Да вроде не было съезда с автострады. Мной овладело безразличие: что еще делать-то, ехать себе в ночь, и все. В косом свете мачтового фонаря замаячил щит: «Roma Tiberina». Уже, значит. По мере того как я приближался к центру, ночной Рим наполнялся светом и движением. Хорошо, что гостиницы, в которые мне предстояло поочередно нанести визит, находились близко друг от друга. Везде только руками разводили: сезон, мест нет, и я снова садился за руль. В последней гостинице оказалась свободная комната, но я тут же потребовал тихую, с окнами во двор, портье вылупил на меня глаза, а я с сожалением покачал головой и вернулся в машину.

Пустой тротуар перед отелем «Хилтон» заливал яркий свет. Выбираясь из машины, я не заметил «крайслера» и вздрогнул от мысли, что у них произошла авария и поэтому я не встретил их по дороге. Машинально захлопнул дверцу и в отражении, пробежавшем по ветровому стеклу, увидел сзади рыло «крайслера». Он прятался за стоянкой, в тени, между цепями и знаком запрета. Я направился к подъезду.

По пути заметил, что в «крайслере» темно и вроде никого нет, но боковое стекло до половины опущено. Когда я был шагах в пяти от него, там вспыхнул огонек сигареты. Хотелось махнуть им рукой, но я сдержался, рука только дрогнула, и, поглубже сунув ее в карман, я вошел в холл.

Этот незначительный эпизод означал лишь, что закончилась одна глава и начинается следующая, но в прохладном ночном воздухе все обрело выразительность: очертания автомобилей на стоянке, мои шаги, рисунок мостовой, и поэтому то, что я не посмел даже помахать им рукой, привело меня в раздражение. До этой минуты я придерживался графика, как ученик расписания уроков, и по-настоящему не думал о человеке, который ехал до меня той же дорогой, так же останавливался, пил кофе, кружил от гостиницы к гостинице по ночному Риму, чтобы завершить свой путь в «Хилтоне», откуда он уже не вышел. Сейчас в той роли, что я исполнял, мне почудилось нечто кощунственное, словно я искал судьбу.

Молодой швейцар в перчатках, одеревеневший от собственной важности, а может, просто борющийся с дремотой, вышел за мной к машине и извлек из нее запыленные чемоданы, а я бессмысленно улыбался, глядя на его блестящие пуговицы. Холл был пуст, другой верзила-швейцар внес мой багаж в лифт, взмывший вверх с перезвоном музыкальной шкатулки. Я все еще не мог освободиться от ритма дороги. Он засел в мозгу, как назойливая мелодия. Швейцар оста-

новился, открыл одну за другой двери номера, включил бра и лампы дневного света под потолком в кабинете и спальне, поставил мои чемоданы, и я остался в одиночестве. От Неаполя до Рима рукой подать, и все-таки я чувствовал необычную, какую-то напряженную усталость, и это снова удивило меня. словно выпил банку пива по чайной ложке – какая-то пьянящая пустота. Я обошел комнаты. Кровать была без ножек, не надо играть в прятки. Я пооткрывал все шкафы, отлично зная, что ни в одном из них не скрывается убийца, – если бы все было так просто! – но делал лишь то, что должен был сделать. Откинул простыни – двойные матрасы, регулировка изголовья, как-то не верилось, что я с этой кровати не встану. Ой ли? Человек по своей природе недемократичен, похож на показательный парламент: центр сознания, голоса справа и слева, но есть еще катакомбы, которые все и определяют. Евангелие от Фрейда. Я проверил кондиционер, поднял и опустил жалюзи, потолки были гладкие, светлые, это вам не гостиница двух ведьм⁵. Насколько явна и откровенно ужасна была опасность, подстерегавшая там: балдахин над кроватью опускается на спящего и душит его – а тут ни балдахина, ни прочей дешевой романтики! Кресла, письменный стол, ковры – меблировано со вкусом, привычные атрибуты комфорта. Выключил ли я в машине свет? Окна выходили на другую сторону, отсюда я не мог ее увидеть, наверно, выключил, а

---

⁵ «Гостиница двух ведьм» – рассказ английского писателя польского происхождения Джозефа Конрада (1857–1924). *Примеч. ред.*

если и забыл, пускай переживает фирма Херца.

Я задернул шторы, разделся, разбросав в беспорядке одежду, и только тогда аккуратно отклеил датчики. После душа придется снова приклеивать. Открыл большой чемодан; коробка с пластырем лежала наверху, но ножниц не было. Я стоял посреди комнаты, чувствуя легкий спазм в голове, а ступнями ощущая пушистый ковер; ах да, ведь я сунул ножницы в портфель. Я нетерпеливо дернул замок, вместе с ножницами выпала реликвия в пластиковой рамке: желтая, словно Сахара, фотография *Sinus Aurogae* – моя несостоявшаяся посадочная площадка номер один. Она лежала на ковре у моих босых ног, это было неприятно, глупо и чересчур многозначительно. Я поднял ее, стал рассматривать в белом свете верхних ламп: десятый градус северной широты и пятьдесят второй восточной долготы, наверху – подтек *Vosporus Gematus*, пониже – экваториальные образования. Места, по которым я мог ходить. Я постоял с этим снимком, в портфель засовывать его не стал, а положил рядом с телефоном на ночной столик и отправился в ванную.

Душ был превосходный, вода ударяла сотней горячих струй. Цивилизация начинается с проточной воды. Клозеты царя Миноса на Крите. Какой-то фараон приказал вылепить кирпич из грязи, которую соскребывали с него на протяжении всей его жизни, и положить ему под голову в саркофаге. Омовения всегда чуточку символичны.

Мальчишкой я не мыл машину, пока в ней имелся хотя бы

малейший дефект, и только после ремонта, возвращавшего ей достоинство, натирал мастикой и наводил блеск. А что я мог знать тогда о символике чистоты и скверны, символике, переходившей из религии в религию! В апартаментах стоимостью в двести долларов я ценю только ванны. Человек чувствует себя соответственно состоянию его кожи. В зеркале во всю стену я увидел свой намыленный торс с отметиной от датчика, словно я снова находился в Хьюстоне; бедра белые от плавок; я пустил воду сильнее, и трубы жалобно завывали. Вычислить такую кривизну, чтобы трубы никогда не резонировали, – кажется, неразрешимая для гидродинамики задача. Сколько во мне этих ненужных сведений. Я вытерся первым попавшимся полотенцем и, оставляя мокрые следы, нагишом пошел в спальню. Прилепил на сердце датчик и вместо того, чтобы лечь, уселся на кровати. Мгновенно подсчитал: включая содержимое термоса, не менее семи чашек кофе. Раньше я все равно заснул бы как сурок, но теперь мне уже знакомо, что значит ворочаться с боку на бок. В чемодане тайком от Рэнди я припас секонал, средство, рекомендуемое астронавтам. У Адамса никаких таблеток не было. Видимо, он спал превосходно. Принять сейчас секонал было бы нечестно.

Я забыл погасить свет в ванной. Пришлось встать, хотя мои кости и протестовали. В полумраке комната казалась больше. Голый, я стоял в нерешительности спиной к кровати. Ах да, надо же запереть дверь. Ключ должен остаться в

замке. 303 – тот же самый номер. Они позаботились и об этом. Ну и что же? Я попытался разобраться: испытываю ли страх? Было какое-то смутное чувство, стыдно, но что делаешь, я не знал, откуда это беспокойство, от какой перспективы – бессонной ночи или агонии. Все суеверны, хоть и не все признаются в этом. Я еще раз в свете ночника окинул взглядом комнату – с уже нескрываемой подозрительностью. Чемоданы были полуоткрыты, вещи в беспорядке разбросаны на креслах. Настоящая генеральная репетиция. Револьвер? Идиотизм. С жалостью к себе я покачал головой, уже лежа погасил ночную лампу, расслабил мышцы и принялся размеренно дышать. Засыпание в назначенный час входит в обязательную программу тренировок. Да и внизу в машине сидят два человека и смотрят на осциллоскоп, на экране которого светящимися линиями фиксируется реакция моих легких и сердца на каждое мое движение. Дверь заперта изнутри, окна закрыты герметически; какое мне дело, что он ложился в это же время и в эту же кровать?

Разница между «Хилтоном» и «Гостиницей двух ведьм» казалась бесспорной. Я представил свое возвращение: не предупредив никого, подъезжаю к дому – или лучше к аптеке, и иду пешком, словно с прогулки; мальчишки, уже вернувшиеся из школы, видят меня сверху, под ними грохочет лестница, – и тут же вспомнил, что надо еще выпить джина. Минуту я лежал в нерешительности, облокотясь на подушку: бутылка-то в чемодане. Слез с постели, в потемках

добрался до стола, нащупал под рубашками плоскую бутылку, налил в стаканчик-крышку, жидкость потекла по пальцам. Осушил металлический стаканчик с дурацким ощущением, что играю в любительском спектакле. Делаю что могу, оправдывался я перед собой.

Вернулся к постели невидимкой; грудь, руки, ноги исчезли, загар сливался с темнотой, только бедра маячили беледой полосой. Лег, стал ворочаться, алкоголь согрел желудок; я бухнул по подушке кулаком: до чего ты дошел, дублер. Натянул одеяло и давай дышать. Накатила полудремота, в которой остатки бодрствования может слизнуть только полная пассивность. Мне даже что-то приснилось: я летал. Любопытно, но точь-в-точь такие полеты снились мне перед космосом. Словно неподатливые катакомбы моего сознания не желали учитывать поправки, добытых опытом. Полеты во сне – фикция: тело при этом сохраняет ориентировку, а движения рук и ног так же легки, как и наяву, хотя и более плавны. В космосе же все обстоит иначе. В мышцах воцаряется полный беспорядок. Хочешь что-нибудь оттолкнуть, а сам летишь назад, хочешь сесть, подтягиваешь ноги к подбородку – неосторожным, резким движением можно нокаутировать себя коленом. Тело ведет себя как одержимое, но на самом деле оно просто перестает сдерживаться, лишившись спасительного сопротивления, которое ему оказывает Земля.

Проснулся я от удушья. Что-то мягко, но настойчиво не

позволяло мне сделать вдох. Я вскочил, вытянув руки, будто пытаюсь схватить душителя. Сидя, приходил в себя – с трудом, словно сдирал с мозга неотвязную, липкую корку. В щель между шторами сочился ртутный блеск улицы. В его мерцании я разглядел, что никого рядом со мною нет. Дышать я все еще не мог, нос как будто забетонировали, губы спеклись, язык пересох. Храпел я, наверно, жутко. Кажется, этот храп я слышал сквозь сон, уже просыпаясь.

Я встал, чуть пошатываясь: сон по-прежнему наполнял меня свинцовой тяжестью. Наклонившись над чемоданом стал на ощупь искать в боковом кармашке трубочку с пирибензамином. Травы, наверно, уже зацвели и в Риме. Их полные пыльцы метелки вначале рыжеют на юге, а потом волна порыжения катится к более высоким широтам; это известно каждому, кто пожизненно приговорен к сенной лихорадке. Был второй час. Забеспокоившись, как бы опекуны мои не выскочили из машины, увидев, как брыкается в осциллоскопе мое сердце, я снова лег щекой на подушку – так быстрее проходит отек слизистой носа. Лежал, одним ухом прислушиваясь к тому, что творится за дверью, – не прибывают ли непрошенные подкрепления. Стояла тишина, и сердце скоро обрело обычный ритм.

Я уже не пытался вернуться мыслями к дому, не хотел во все это втягивать мальчишек. В самом деле, засыпать с помощью детей! Достаточно йоги, приспособленной для нужд астронавтов доктором Шарпом и его помощниками. Я знаю

эту йогу, как вечернюю молитву, и применил ее с таким успехом, что мой нос тут же услужливо засвистел, понемногу пропуская воздух, а пирибензамин, лишенный отрезвляющей примеси, заволок мозг характерной, немного как бы нечистой, мутной сонливостью, и я не заметил, как заснул.

Рим – Париж

В восемь утра я отправился к Рэнди в превосходном расположении духа, потому что начал день с плимазина и в носу у меня, несмотря на душливую жару, не свербило. Гостинице Рэнди далеко было до «Хилтона». Я разыскал ее неподалеку от площади Испании на заставленной автомобилями улочке, мощенной римским булыжником. Забыл название этой улочки. Поджидая Рэнди в закутке, который служил холлом и кафе, я листал купленную по дороге «Интернэшнл геральд трибюн», заинтересовавшись переговорами «Эр Франс» с правительством, потому что мне не улыбалась перспектива застрять в Орли. Бастовали вспомогательные службы аэропорта, но Париж пока принимал.

Вскоре появился Рэнди, в не таком уж дурном настроении, если учесть, что ночь он провел без сна. Правда, какой-то смурной, но ведь наше поражение было налицо. Остался еще Париж, последняя наша надежда. Рэнди предложил отвезти меня на аэродром, но я отказался. Надо же дать человеку выспаться! Он утверждал, что в его номере сделать это невозможно, и мне пришлось подняться с ним наверх. Комната действительно выходила на солнечную сторону, а из ванной вместо прохлады тянуло прачечной вонью.

К счастью, установился азорский антициклон с сухой погодой, поэтому, применив свои профессиональные позна-

ния, я задернул шторы, намочил их нижнюю часть, чтобы улучшить циркуляцию воздуха, пустил небольшой струей воду из всех кранов и после этой самаритянской операции попрощался с Рэнди, пообещав позвонить, если узнаю что-нибудь конкретное. В аэропорт я поехал на такси, по дороге прихватив багаж из «Хилтона», и около одиннадцати уже катил тележку с чемоданами. Я впервые был в здании нового римского аэровокзала и искал взглядом чудеса противодействующей террористам техники, не подозревая, насколько досконально мне придется с ними познакомиться.

Пресса приветствовала открытие аэровокзала радостным воплем: дескать, теперь наверняка будет положен конец воздушному терроризму. Только застекленный зал регистрации выглядел как обычно. Здание же аэровокзала, похожее сверху на барабан, заполняли эскалаторы и движущиеся тротуары, незаметно фильтрующие пассажиров. В последнее время террористы наловчились проносить оружие и взрывные устройства по частям, которые потом можно собрать в туалете самолета, поэтому итальянцы первыми отказались от магнитометров. Одежду и тела зондируют ультразвуком во время передвижения по эскалаторам, а результат такого незаметного обыска подытоживает компьютер, указывающий на всех подозрительных. Писали, что ультразвук находит каждую пломбу в зубе и пряжку на подтяжках. От него нельзя укрыть даже неметаллическое взрывное устройство.

Новый аэропорт неофициально называют Лабиринтом. Во

время пробного пуска сыщики с хитроумно спрятанным оружием несколько недель бегали по эскалаторам и никому из них якобы ничего не удалось пронести. Лабиринт действовал с апреля – без серьезных инцидентов; пока вылавливали только людей со странными, хотя и невинными предметами, вроде детского револьвера или его силуэта, вырезанного из алюминиевой фольги. Одни эксперты утверждали, что это психологическая диверсия разочарованных террористов, другие – что это попытка установить, насколько хорошо действуют фильтры. Юристы хлебнули с лжеконтрабандистами немало горя – их намерения были однозначны, но уголовно не наказуемы. Единственное серьезное происшествие произошло накануне, в день, когда я покидал Неаполь. Какой-то азиат, избалованный ультразвуком посередине Лабиринта, на так называемом «мосту вздохов», решил избавиться от настоящей бомбы. Он бросил ее в зал, над которым расположен мост, но взрыв не причинил вреда, хотя и потрепал нервы пассажирам. Вот и все происшествия. Сейчас я думаю, что эти незначительные инциденты были подготовкой операции, в которой новому виду защиты предстояло испытание новым видом атаки.

Моя «Алиталия» на час задерживалась, неясно было, примет нас Орли или аэропорт имени де Голля. Я решил переодеться, потому что и в Париже обещали 30 градусов в тени. И поскольку не помнил, в каком чемодане у меня сетчатые рубашки, отправился к ванным комнатам с тележкой,

на которой лежали все мои вещи, и долго блуждал по пандусам подземной части здания, пока какой-то раджа не показал мне дорогу. Не знаю, был ли он действительно раджей, хоть и носил зеленый тюрбан, скорей всего нет – слишком скверно он говорил по-английски. Интересно, снимет он тюрбан в ванне? Он тоже шел купаться. На эту прогулку с тележкой я ухлопал столько времени, что душ принял наскоро, живо переделся в полотняный костюм, надел легкие туфли со шнуровкой и, сунув саквояж с мелочами в чемодан, поспешил к стойке регистрации. Отошел от нее с пустыми руками, сдав все в багаж. Это оказалось разумным; сомневаюсь, чтобы микрофильмы – они были в саквояже – уцелели бы в «бойне на лестнице».

Кондиционеры в зале регистрации барахлили, от них тянуло то холодом, то жаром. У стойки на Париж дул горячий ветер, и я, сняв куртку, набросил ее на плечи, что тоже оказалось потом очень кстати. Каждый из нас получил «пропуск Ариадны» – пластиковый пенал для билета со вделанным в него электронным резонатором. Без него в самолет не впускали. Тут же за вертушкой прохода начинался эскалатор, такой узкий, что на него входили гуськом. Путешествие на нем чем-то напоминало Тиволи или Диснейленд. Вначале едешь вверх, и там ступеньки превращаются в тротуар, бегущий над залом в ярком сиянии ламп дневного света. Дна не видно, оно скрыто во мраке. Не знаю, как добились такого эффекта. За «мостом вздохов» тротуар делает поворот и,

снова превратившись в довольно крутую лестницу, пересекает тот же самый зал, который можно узнать лишь по ажурному потолку, потому что эскалатор с обеих сторон закрыт алюминиевыми щитами с изображениями мифологических сцен. С концом этой дороги мне не суждено было познакомиться. Идея ее проста – пенал пассажира, имеющего при себе нечто подозрительное, дает об этом знать пронзительным писком. Заклейменный пассажир убежать не может, потому что эскалатор слишком узок, а писк, разносящийся по всему залу, должен нагнать на него страху и заставить избавиться от оружия. В зале развешаны предостережения на двадцати языках: всякий, у кого будет обнаружено оружие или взрывчатка или кто попытается терроризировать пассажиров, заплатится жизнью. Смысл этих туманных угроз толковали по-разному. Я слышал даже о снайперах, якобы притаившихся за алюминиевыми щитами, хоть и не верил этому.

Рейс был чартерный, но нанятый «боинг» превзошел потребности его нанимателей, и в кассах до самого отлета продавали оставшиеся билеты. В переплет попали те, кто, как и я, приобрел билет в последнюю минуту. «Боинг» зафрахтовал какой-то консорциум банков, но мои соседи на лестнице не походили на банкиров. Первой ступила на эскалатор старуха с тростью, затем блондинка с собачкой, за ней я, девочка и японец. Оглянувшись через плечо, я увидел, что стоявшие сзади мужчины тут же уткнулись в газеты, и, решив не разворачивать свою «Геральд трибюн», сунул ее под

подтяжки на плече, словно пилотку.

Блондинка в вышитых жемчугом брючках, обтягивающих так, что сзади видны были очертания трусиков, держала чучело собаки. Собака, как живая, то и дело моргала. Блондинка напоминала красотку с обложки журнала, сопровождавшего меня по пути в Рим. Девочка с живыми глазками в своем белом платье походила на куколку. Японец, ненамного выше ее, являл собой ревностного туриста. Казалось, он только что от знаменитого портного. На застегнутом на все пуговицы клетчатом пиджаке скрещивались ремни транзистора, бинокля, большого фотоаппарата «Никон-5»; когда я оглянулся, он как раз расстегивал футляр, словно собираясь запечатлеть чудеса Лабиринта. Лестница перешла в тротуар, когда я услышал тоненький писк. Обернулся. Писк исходил от японца. Девочка в испуге отшатнулась от него, прижимая к груди свой пенал с билетом, но японец и бровью не повел, только увеличил громкость транзистора. Наверно, наивно надеялся заглушить писк, а ведь это было только первое предупреждение.

Мы плыли над огромным залом. По сторонам помоста блестяли в лампах дневного света фигуры Ромула, Рема и Волчицы, а пенал японца выл уже душераздирающе. Дрожь пробежала по столпившимся пассажирам, хотя никто не произнес ни звука. Японец добрую минуту стоял с каменным лицом в этом все усиливающемся вое, но на лбу его проступил пот. Потом, вырвав из кармана пенал, он стал с ним оже-

сточенно сражаться. Дергал его, как берсеркер⁶, под взглядами продолжавших молчать пассажиров. Ни одна женщина не вскрикнула. Мне же просто было любопытно, как его выловят из нашей группы.

Когда «мост вздохов» кончился и тротуар поплыл к повороту, японец присел на корточки – внезапно и очень низко, словно провалился. Я не сразу понял, что он делает, скорчившись. А он выдернул из футляра и открыл свой фотоаппарат. Тротуар со всеми нами двигался по прямой, но ступени уже начали подниматься: тротуар превращался в эскалатор, поскольку второй «мост вздохов» – это, по сути, лестница, наискосок возвращающаяся через большой зал.

Выхватив из «Никона» искрящийся сахаристыми иголками цилиндр, который едва бы уместился у меня на ладони, японец выпрямился. Это была неметаллическая корундовая граната с игольчатой сварной оболочкой, без черенка. Я перестал слышать вой пенала. Японец обеими руками прижал к губам доньшко гранаты, словно целуя ее, и, лишь когда он отнял гранату от лица, я понял, что он зубами вырвал чеку – она осталась у него во рту. Я рванулся к гранате, но только коснулся ее, потому что японец ударил меня башмаком в колено и резко подался назад, сбивая с ног стоящих за ним людей. Падая, я попал локтем девочке в лицо, меня занесло на перила, я еще раз натолкнулся на девочку и, перемахнув через барьер, увлек ее за собой. Вдвоем мы полетели вниз

---

⁶ Норманнский воин, приходивший в бешенство во время боя.

из яркого света во мрак. Я сильно ударился обо что-то поясицей.

Я ждал удара о песок. Газеты не писали, что находится на дне зала, под мостками, но подчеркивали, что взрыв бомбы не причинит никакого вреда. Итак, я ждал песка и в падении постарался стать на ноги. Но вместо песка почувствовал под ногами нечто мягкое, податливое, влажное, оно расступилось подо мной, словно пена, а ниже была ледяная жидкость; и тут же до мозга костей меня потряс грохот взрыва. Девочку я потерял. Ноги увязли в топком иле или грязи, я погружался туда, отчаянно барахтаясь, пока усилием воли не заставил себя успокоиться. У меня было около минуты или даже чуть больше, чтобы выкарабкаться. Сперва думать, потом действовать! Этот бассейн своей формой должен уменьшать кумуляцию ударной волны. Итак, не чаша, а скорей воронка, выложенная по дну вязкой массой, заполненная водой с толстым слоем пены на поверхности. Я увяз по колено. Вместо того чтобы тщетно рваться вверх, я по-лягушачьи присел, нащупывая растопыренными пальцами дно. Справа оно поднималось. Загребая ладонями, словно лопатами, я пополз вправо, выдергивая ноги из грязи, – это было невероятно трудно. Соскользнув с наклонной плоскости, снова стал загребать руками, подтягиваясь, как альпинист, без кошек поднимающийся по заснеженному склону, но там хоть можно дышать!..

Я лез вверх, пока на лице не стали лопаться пузырьки пе-

ны, и, задыхаясь, хватая ртом воздух, вынырнул в полумрак, наполненный хоровым воем надо мной. Огляделся, высунув голову из колышущейся пены. Девочки не было. Я вдохнул поглубже и нырнул. Глаз открыть не мог, в воде была какая-то пакость, от которой глаза горели огнем, три раза я всплывал и нырял снова, теряя последние силы; от топкого дна нельзя было оттолкнуться, пришлось плавать над ним, чтобы снова не засосало. Я уже терял надежду, когда на-ткнулся рукой на ее длинные волосы. От пены девочка стала скользкой, как рыба. Я схватил ее за платье, но ткань лопнула.

Сам не знаю, как выбрался я с нею наверх. Помню какую-то возню, липкие пузыри, которые соскребал с ее лица, мерзкий металлический вкус воды, мои беззвучные проклятия, помню, как толкал ее через борт воронки – толстый, упругий вал, будто из резины. Когда девочка оказалась за ним, я не сразу вылез из воды, а свесился вниз, весь облепленный лопавшейся пеной, тяжело дыша. Сверху доносились человеческие вопли. Мне показалось, что моросит редкий теплый дождь. Я чувствовал на коже отдельные его капли. Видно, бред, подумалось мне. Откуда здесь быть дождю? Здрав голову, я различил мост. Алюминиевые щиты свисали с него, скомканные, как тряпки, а пол просвечивал, словно сито. Стальные ступени, о которых писали в газетах, что они сделаны в виде решета, которое пропустит ударную волну, но задержит осколки.

Я выбрался из воронки под непрекращающимся дождем и перекинул девочку через колено, лицом вниз. Ее состояние оказалось лучше, чем я ожидал, ее тут же вытошнило. Я стал массировать ей спину, чувствуя, как мерно вздымаются ребра. Девочка захлебывалась и кашляла, но уже дышала. Меня тоже подташнивало. Я помог себе пальцем. Стало легче, но все еще не хватало сил встать на ноги. Я уже мог кое-что разглядеть, хотя свет сюда почти не проникал, тем более что часть ламп над мостом погасла. Вой над нами перешел в стоны и хрипение. Там умирающие, мелькнула у меня мысль, но почему никто не приходит на помощь? Откуда-то доносился шум, что-то лязгало, словно пытались привести в движение застывший эскалатор. Снова слышались крики, но другие, людей здоровых, целых. Я не знал, что творилось наверху. Эскалатор во всю длину был забит пассажирами, в панике повалившимися друг на друга. Нельзя было подступить к умирающим, не удалив вначале обезумевших от страха. Одежда и обувь пассажиров застряли между ступенями. Никакого бокового подхода к лестнице не было, мост оказался западней.

Настала пора позаботиться о себе и девочке. Она села и, мне показалось, уже пришла в себя. Я говорил ей, что все обошлось и не надо бояться, мы вот-вот выберемся отсюда. Глаза привыкли к темноте, и я действительно скоро обнаружил выход. Это был люк, по небрежности оказавшийся открытым. Если бы не это, мы застряли бы здесь, как мыши в

капкане. За люком тянулся туннель, похожий на канал, кончавшийся дверцей, точнее, выпуклым диском, тоже приотворенным. Коридор с лампочками в зарешеченных нишах вывел нас в подземелье, низкое, с переплетением кабелей и всевозможных труб.

– Эти трубы приведут нас к ваннам. – Я повернулся к девочке, но не увидел ее. – Эй! Где ты?! – крикнул я, окидывая взглядом подвал.

Я заметил ее впереди – она босиком перебежала между бетонными опорами, подпиравшими потолок. Догнал ее двумя прыжками, хоть невыносимо заныла поясница, и, взяв за руку, сурово сказал:

– Что это за шутки, моя дорогая? Нам надо держаться вместе, иначе заблудимся.

Она молча пошла за мной. Вдали забрезжил свет. Пандус с выложенными белым кафелем стенами. По нему мы поднялись на другой этаж подземелья, и мне хватило беглого взгляда, чтобы узнать место, где час назад я толкал багажную тележку. За углом тянулся коридор с рядом дверей. Я открыл ближнюю, бросив монету – мелочь не выпала из кармана, – и взял девочку за руку; мне показалось, что она снова хочет удрать. Наверно, она еще в состоянии шока. Неудивительно. Я затащил ее в ванную кабину. Она отмалчивалась, и я тоже перестал приставать к ней с разговорами, увидев в ярком свете, что вся она в крови, с головы до ног. Это и был тот теплый дождь. Я, наверно, выглядел не лучше. Я сорвал

с нее и с себя все, швырнул одежду в ванну, открыл кран, а сам, в плавках, толкнул девочку под душ. Боль в пояснице немного утихла от горячей воды, которая стекала розовыми струями. Я тер девочке спину и бока, чтобы смыть кровь и окончательно привести ее в чувство. Она не сопротивлялась, не пискнула даже, когда я как мог стал отмывать ей волосы. Когда мы вышли из-под душа, я небрежно спросил, как ее зовут. Аннабель. Англичанка? Нет, француженка. Из Парижа? Нет, из Клермона. Я заговорил с ней по-французски, вынимая наши вещи из ванной, чтоб постирать.

– Если ты в силах, – предложил я, – может, прополощешь свое платье?

Она послушно склонилась над ванной. Выжимая брюки и рубашку, я прикидывал, что делать дальше. Аэропорт закрыт, в нем полно полиции. Просто идти, пока не задержат? Но итальянские власти ничего не знают о нашей операции. Единственный, кто в курсе, это Дю Буа Феннер, первый секретарь посольства. Свою куртку с билетом на другую фамилию, не ту, что значилась в гостиничном счете, я обронил на лестнице. Револьвер и датчики оставил в «Хилтоне», в пакете, который Рэнди должен забрать вечером. Если полиция перехватит его, это будет серьезной уликой. Меня и так могли заподозрить: слишком большая сноровка в отчаянном прыжке, слишком хорошая ориентация в подземельях аэровокзала, слишком тщательно отмытые следы крови. Можно даже ждать обвинения в каком-нибудь пособничестве.

Никто не может быть вне подозрений с тех пор, как досто- почтенные адвокаты и прочие деятели из идейных побужде- ний перевозят бомбы. Конечно, я выпутаюсь из всего этого, но сначала меня упрячут под замок. Ничто не приводит в та- кой раж полицию, как ее собственная беспомощность.

Я внимательно пригляделся к Аннабель. Фонарь под гла- зом, мокрые волосы свисают космами; она сушила платице под электрической сушкой для рук – расторопная девчонка. План у меня уже созрел.

– Послушай меня, милая, – начал я. – Ты знаешь, кто я такой? Я американский астронавт, а в Европе нахожусь ин- когнито с чрезвычайно важной миссией. Понимаешь? Мне необходимо еще сегодня быть в Париже, а тут нас станут по сто раз допрашивать. Пустая трата времени. Поэтому я должен позвонить в посольство, чтобы вызвать сюда перво- го секретаря. Он нам поможет. Аэропорт наверняка закрыт, но, кроме обыкновенных, бывают специальные самолеты с дипломатической почтой. Мы полетим на таком самолете. Вместе. Как тебе это нравится?

Она только пялила на меня глаза. Еще не пришла в се- бя, подумал я и начал одеваться. Мои туфли уцелели, пото- му что были на шнурках, Аннабель же свои сабо потеряла. Правда, босая девочка на улице сейчас не вызывает удивле- ния. Я помог ей расправить сзади складки на уже почти су- хом платице.

– Сейчас мы будем изображать отца и дочь. Так легче до-

браться до телефона, – сказал я. – Понимаешь?

Она кивнула, я взял ее за руку, и мы двинулись в широкий мир. На первый кордон мы наткнулись сразу за пандусом. Карабинеры выталкивали за дверь журналистов с фотоаппаратами, пожарные в касках бежали в другую сторону, никто не обратил на нас внимания. Полицейский, с которым я говорил, немного владел английским. Я сказал, что мы были в душе, но он не стал слушать, велел нам подняться по эскалатору. В европейскую секцию, где собирают всех пассажиров. Мы пошли к эскалатору, но, едва лестница заслонила нас, я свернул в боковой коридор. Шум остался позади. Мы вошли в пустой зал для выдачи багажа. За бесшумно бегущими транспортерами выстроились кабины с телефонами-автоматами. Я взял Аннабель в кабину и набрал номер Рэнди. Вырвал его из объятий сна. В желтом свете лампочки, прикрыв ладонью раковину трубки, рассказал ему, что случилось. Он прервал меня только раз, будто решив, что ослышался, а потом из трубки доносилось только тяжелое дыхание, словно он утратил дар речи.

– Ты слушаешь? – спросил я, кончив рассказ.

– Парень! – сказал Рэнди. И повторил еще раз: – Парень! Ничего больше я от него не услышал.

Тогда я приступил к главному. Он должен вытянуть Феннера из посольства и тотчас приехать вместе с ним. Это надо сделать побыстрее: ведь мы застряли между двумя кордонами полиции. Аэропорт оцеплен, но Феннер как-нибудь про-

берется. Девочка со мной. Мы ждем в левом крыле здания, у телефонных кабин, возле багажного транспортера E-10. Если нас там не окажется, значит, мы в зале европейской секции или скорее всего в префектуре. Я попросил его коротко все повторить. Взглянул на девочку, ожидая увидеть улыбку или хотя бы успокоение на ее лице, поскольку все так удачно сошло, но она по-прежнему казалась какой-то оцепеневшей. Лишь когда я отворачивался, она украдкой косилась на меня. Словно ждала чего-то. Между кабинами был мягкий диван. Мы сели на него. Поодаль сквозь стеклянные стены просматривался подъезд аэропорта. Одна за другой прибывали машины технической помощи. Из глубины здания доносился женский визг. Чтобы не молчать, я спросил девочку о родителях, об экскурсии, провожал ли ее кто-нибудь, но она отвечала как-то невпопад, односложно, не захотела даже назвать свой адрес в Клермоне, что меня уже немного разозлило. Часы показывали без двадцати два. После разговора с Рэнди прошло более получаса. Люди в спецовках рысцой пронеслись через зал ожидания, волоча нечто похожее на электросварочный аппарат, в нашу сторону они даже не взглянули. Снова слышались шаги. Вдоль кабин шел техник с наушниками, прикладывая диск миноискателя к каждой двери. При виде нас он остановился. За ним появились двое полицейских. И они задержались перед нами.

– Что вы тут делаете?

– Ждем, – ответил я чистую правду.

Один из карабинеров побежал куда-то и вернулся с высоким человеком в штатском. На повторный вопрос я ответил, что мы ждем представителя американского посольства. Штатский пожелал увидеть мои документы. Когда я вынимал бумажник, техник показал на кабину, рядом с которой мы сидели. Ее стекла изнутри запотели – от нашей одежды, пока я разговаривал по телефону, шел пар. Они вытаращили на нас глаза. Карабинер коснулся моих брюк.

– Мокрые!

– Да! – радостно подтвердил я. – Хоть выжми!

Они наставили на нас дула автоматов.

– Ничего не бойся, – сказал я Аннабель.

Штатский вынул из кармана наручники. Без всяких предисловий он приковал меня к себе, а девчонкой занялся полицейский. Она смотрела на меня как-то дико. Штатский поднес к губам рацию, болтавшуюся через плечо, и забормотал по-итальянски так быстро, что я не понял ни слова. Ответ обрадовал его. Нас повели боковым проходом, где к шествию присоединились три других карабинера. Эскалатор бездействовал. Мы сошли по широкой лестнице в зал регистрации. Увидев за окнами ряд полицейских «фиатов», я успел подумать: любопытно, который предназначен для нас, и тут с другой стороны появился черный «континенталь» посольства с флажком. Не помню, когда еще вид этих звезд и полос был мне так приятен. Все происходило как на сцене – мы, закованные, двигались к стеклянной двери, а они – Дю

Буа Феннер, Рэнди и переводчик посольства – в эту минуту входили в нее. Вид у них был несколько странный: Рэнди – в джинсах, а эти двое – в смокингах. Рэнди вздрогнул, увидев меня, наклонился к Феннеру, а тот, в свою очередь, обратился к переводчику, который тут же подошел к нам.

Обе группы остановились, и разыгрался короткий, красочный спектакль. Представитель посольства обратился к штатскому, к которому я был прикован. Разговор шел в быстром темпе, мой итальянец имел только тот handicap⁷, что был скован со мной и, постоянно забывая об этом, жестикулировал, то и дело дергая мою руку. Кроме «astronauta Americano» и «presto, presto!»⁸ я ничего не понял. Наконец мой опекун позволил себя убедить и снова воспользовался рацией. Честь сказать несколько слов в аппарат была оказана и Феннеру. Потом агент в штатском еще раз сказал что-то в ящичек, который ответил ему так, что он сразу вытянулся по стойке «смирно». Ситуация изменилась, как в фарсе. С меня сняли наручники, мы повернули назад и в таком же порядке, но уже в другом качестве – охрана вдруг превратилась в почетный эскорт – направились на второй этаж. Миновали залы ожидания, полные пассажиров, кордон полицейских и через две обитые кожей двери вошли в кабинет, забитый людьми.

Верзила апоплексического вида тут же принялся вышвы-

---

⁷ Здесь: преимущество (*англ.*).

⁸ американский астронавт (*и*) быстро, быстро! (*ит.*).

ривать всех за дверь. Хотя выставили многих, в комнате все равно осталось человек десять. Охрипший верзила оказался вице-префектом полиции. Мне придвинули кресло, Аннабель уже сидела в другом. Несмотря на солнечный день, горели все лампы, на стенах висели схемы Лабиринта, а его макет стоял на тележке возле письменного стола, на столе блестяли влажные еще фотографии. Нетрудно было догадаться, что на них изображено. Феннер, усаживаясь за спиной у меня, сжал мне плечо: все шло так гладко, потому что он позвонил префекту еще из посольства. Часть присутствующих столпилась вокруг стола, другие уселись на подоконниках, вице-префект молчал, расхаживая из угла в угол, из соседней комнаты вывели под руки заплаканную секретаршу, переводчик вертел головой, поглядывая то на меня, то на девочку, приготовившись прийти нам на помощь, но мой итальянский почему-то стал лучше.

Я узнал, что аквалангисты выловили из воды мою куртку и сумочку Аннабель, благодаря чему я сделался основным объектом подозрения, поскольку они успели связаться с «Хилтоном». Меня считали сообщником японца. Мы с ним собирались, выдернув из гранаты чеку, удрать вверх по эскалатору, почему и ступили на лестницу чуть ли не первыми. Что-то нам, однако, помешало, японец погиб, а я спасся, прыгнув вниз. Дальше мнения разделились. Одни считали Аннабель террористкой, другие полагали, что я похитил ее как заложницу, чтобы потом вести переговоры с властями.

Обо всем этом я узнал в частном порядке, формально допрос еще не начался – ждали начальника охраны аэропорта. Когда он явился, Рэнди как неофициальный представитель американской стороны сделал заявление о нашей операции. Я слушал его, незаметно отдирая мокрые штанины от икр. Он объяснил самое необходимое. Феннер тоже был лаконичен. Заявил, что наша операция для посольства не тайна и о ней поставлен в известность Интерпол, который, в свою очередь, обязан уведомить итальянскую сторону. Это был ловкий ход – вся ответственность перекладывалась на международную организацию. Разумеется, наша акция их совершенно не интересовала. Они хотели знать, что произошло на лестнице. Инженер технической службы аэропорта не понимал, как я мог выбраться из воронки и подземелья, не зная тамошних устройств, однако Рэнди заметил, что не следует недооценивать подготовку американских десантников, которую я прошел. Он не сказал только, что я прошел ее тридцать с лишним лет назад. Все еще слышались удары по железу, от которых дрожали стены. Спасательные работы продолжались – требовалось перерезать часть моста, искореженную взрывом. Пока из-под обломков извлекли девять трупов и двадцать два раненых, из них семь – тяжело. За дверью слышался шум, и вице-префект жестом направил туда одного из офицеров. Когда офицер выходил, за расступившимися людьми я заметил отдельный столик и на нем мою куртку, распоротую по всем швам, и столь же истерзанную сумочку.

ку Аннабель. Ее содержимое было разложено на листах белой бумаги, рассортированное наподобие игральных фишек. Офицер вернулся и развел руками: пресса!

Какие-то предприимчивые журналисты сумели прорваться даже сюда. Пока их выпроваживали, другой офицер обратился ко мне:

– Лейтенант Каннети. Что вы можете сказать о взрывном устройстве? Как его пронесли?

– Фотоаппарат был с начинкой. Когда японец вынул его из футляра, задняя стенка вместе с пленкой выскочила, как чертик из шкапулки. И он выхватил гранату.

– Вам знаком этот тип гранаты?

– Я видел такие в Штатах. Часть пороховой дорожки находится в черенке. Заметив, что черенка нет, я догадался: запал переделан. Это граната оборонительного действия, с большой силой поражения. Металла в ней – кот наплакал. Оболочка сплавлена из корундовых кристаллов.

– В этом месте эскалатора вы оказались случайно, не так ли?

– Нет. – В напряженной тишине, прерываемой только далеким лязганьем, я искал подходящие слова. – Я оказался там не совсем случайно. Японец пошел вслед за девочкой, потому что знал, что она наверняка не сможет ему помешать. Девочка, – я показал на нее взглядом, – прошла вперед, потому что ей понравилась собачка, – мне так показалось. Верно? – спросил я у Аннабель.

– Да, – с явным удивлением ответила она.

Я улыбнулся ей.

– Что касается меня... я спешил. Это, конечно, иррационально, но, когда человек торопится, он невольно хочет первым оказаться в самолете, а значит, и на лестнице тоже. Я не думал об этом. Так получилось само собой.

Они перевели дух. Каннети что-то шепнул префекту. Тот кивнул.

– Мы хотели бы, чтобы барышня не слышала... некоторых подробностей. Не соизволит ли барышня покинуть нас на минутку?

Я взглянул на Аннабель. Она впервые за все это время улыбнулась мне и встала. Перед ней отворили дверь. Каннети снова обратился ко мне:

– У меня такой вопрос: когда вы начали подозревать японца?

– Я вообще его не подозревал. Свою роль он выполнил безукоризненно. Когда японец присел на корточки, я подумал, что он сошел с ума! А когда он вырвал чеку, я сообразил, что в запасе у меня нет и трех секунд.

– А сколько же?

– Этого я знать не мог. Граната не взорвалась, когда он вырвал чеку, значит, была с замедлением. Думаю, каких-нибудь две секунды, может, две с половиной.

– Мы тоже так считаем, – вставил кто-то из стоявших у окна.

– Вам, кажется, трудно ходить? Вас не контузило?

– Взрывом – нет. Я услышал его, входя в воду. Сколько с этого моста? Пять метров?

– Четыре с половиной.

– Итак, одна секунда. Моя попытка схватить гранату и прыжок через перила – тоже секунда. Вы спрашивали о контузии? Я ударился обо что-то поясницей, когда падал. Когда-то у меня была трещина в крестце.

– Там находится дефлектор, – объяснил человек у окна. – Консоль с подвешенным откосом. Любой упавший объект направляется им к центру воронки. Вы ничего не знали о дефлекторе?

– Нет.

– Извините. У меня еще вопрос, – заговорил Каннети. – Этот человек, японец, бросил гранату?

– Нет. Продолжал держать ее в руках.

– Не пытался убежать?

– Нет.

– Польшинелли, начальник охраны аэропорта, – включился в разговор стоявший у стола мужчина в заляпанном грязью комбинезоне. – Вы уверены, что этот человек хотел погибнуть?

– Хотел ли? Да. Он не пытался спастись. Ведь он мог выбросить свой фотоаппарат.

– Вы позволите? Для нас это крайне важно. Не могло ли быть так: он хотел бросить гранату в пассажиров и спрыгнуть

с моста, но вы ему помешали? Тогда он упал, а граната взорвалась.

– Этого быть не могло. Но могло быть иначе, – признал я. – Я ведь не нападал на него. Я хотел только вырвать у него гранату, когда он отнял ее от лица. Я увидел у него в зубах чеку. Она была нейлоновая, а не из проволоки. Японец держал гранату обеими руками. Так ее не бросают.

– Вы ударили сверху?

– Нет. Так я ударил бы, если б никого на лестнице не было или мы стояли последними. Но поэтому он и не встал в конце. Ударом кулака сверху можно вышибить любую бесчеренковую гранату. Она покати́лась бы по ступеням, но не особенно далеко. Некоторые ставят на ступеньки багаж, хотя это, кажется, запрещено. Она никуда не укатилась бы. Я потянулся к гранате левой рукой, а этого он не ожидал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.